

«РУССКОЕ ПРОСТРАНСТВО» В СБОРНИКЕ ВЯЗЕМСКОГО «В ДОРОГЕ И ДОМА»*

ТАТЬЯНА СТЕПАНИЩЕВА

Оппозиция «Россия — Европа» является основополагающей для историко-политических взглядов П. А. Вяземского. Его творческие установки (тяготение к актуальной, злободневной литературе) обусловили значимость этой оппозиции и для поэзии. Об особенностях раскрытия «европейской» части оппозиции в поздней лирике Вяземского нам однажды уже приходилось говорить [Степанищева]; предлагаемая статья должна дополнить очерк ранее затронутой проблематики. Приближение к цели потребует как уточнения объекта исследования, так и краткого экскурса в ранее сделанные наблюдения.

П. А. Вяземский, в отличие от многих его друзей-поэтов (Жуковского и Пушкина, например), не стремился к публикации своих сочинений книгами. Первый достаточно массивный сборник, «В дороге и дома», вышел в 1862-ом — через год после 50-летия литературной деятельности автора. Понятно, что сначала столь долгое отсутствие книги, а затем ее появление (когда поколение Вяземского уже сошло не только с литературной сцены, но и в могилу; когда «век поэзии» в русской литературе сменился временем прозы) были обусловлены важнейшими для поэта причинами. И они нуждаются в пояснении прежде, чем мы обратимся к сборнику.

На призывы друзей подготовить полное издание своих стихотворений Вяземский ответил в «Автобиографии» так:

Вы хотите, чтобы я написал и свой портрет во весь рост. То-то и беда, что у меня нет своего роста. Я создан как-то поштучно, и вся жизнь моя шла отрывочно. Мне не отыскать себя в этих об-

* Статья написана в рамках гранта ЭНФ № 7901 ««Идеологическая география» западных окраин Российской империи в литературе».

рубках... Чем богат, тем и рад. Фасы моей от меня не требуйте. Бог фасы мне не дал, а дал только несколько профилей [Вяземский: X, 290].

Как нам представляется, эта метафора подразумевает поэтическую «разноречивость» Вяземского, не стилевую, а скорее жанрово-тематическую. Она была связана с творческими установками поэта, с его представлениями о собственном амплуа. В литературе Вяземского привлекало «выражение общезжития» — как в высоком смысле («дух времени»), так и в низком («обиходная литература», «газета»). Свое творчество он относил преимущественно к «обиходной литературе»: писал, откликаясь на злобу дня, и самые резкие свои сочинения (эпиграммы, куплеты, сатиры на лица) характеризовал как «беглые выражения минуты, внезапного впечатления», «отпечатление» которых «на умы также есть минутное» [Записные книжки: 159]. Вяземский связывал свое творческое амплуа с особенностями личности:

Я термометр: каждая суровость воздуха действует на меня непосредственно и скоропостижно <...> Я сравниваю себя с термометром, который не дает ни холода, ни тепла, но живет и скорее всего чувствует перемены в атмосфере и умеет показывать верно ее изменения [Там же: 344–345].

Вот эта «реактивность» и препятствовала полному отражению личности поэта в произведениях, а самим стихам придавала характер злободневный, но сиюминутный. Видимо потому, признавался Вяземский, сочинение было ему интересно лишь в процессе написания, а потом становилось гадко. Собирать и печатать книгой такие «беглые выражения минуты» поэт не считал нужным¹.

¹ См., например, в «Автобиографическом введении» к полному собранию сочинений: «Друзья мои убеждали меня собрать и издать себя... Когда был я молод, было мне просто не до того. Жизнь сама по себе выходила скоропечатными листками. Типография была тут в стороне, была ни при чем. Вообще я себя расточал, а оглядываться и собирать себя не думал» [Вяземский: I, 1].

Что же заставило его изменить мнение об эдиционной валентности своих стихов? Как было сказано выше, сборник «В дороге и дома» (далее в тексте — ВДД) вышел спустя год после полувекового юбилея литературной деятельности Вяземского. В начале 60-х сборник стихотворений поэта из пушкинского круга, сборник, в который вошли тексты еще 20-х годов, глядел явным анахронизмом. Демократическая печать откликнулась на публикацию эпиграммами, которые, как видно, раздражили князя и подтолкнули к выступлению. Целью его было, по выражению М. Н. Лонгинова, редактора и издателя сборника, «стать адвокатом в своем деле» (цит. по [Кумпан: 165]). Вяземский первоначально собирался не представлять публике свои поэтические опыты за полвека, а дать ответ противникам и защитить себя и свое (уходящее) поколение, и свою эпоху. Полемическая направленность определяла жанровый диапазон готовящейся книги. Сборник должны были составить «Заметки» — короткие сатирические стихотворения и эпиграммы.

Расхождения Вяземского с современностью носили как политический, так и культурно-этический характер. Исходным пунктом их было умственное направление современной России, оценка и интерпретация которого предполагала соотнесение с европейской историей и современностью². Поэтому русская «газетная поэзия» (используя метафору Вяземского) оказалась тесно связана с европейской темой, потянула ее за собой, что привело к изменению авторской концепции сборника. В итоге он стал двухчастным, а в соположении частей (в их названиях, в содержании и проч.) была заложена ключевая для автора оппозиция «Россия — Европа». Вяземскому, видевшему в себе наследника пушкинской эпохи, вольнодумцу, много лет проведенному в добровольной опале, позднее — высокопоставленному чиновнику и государственному деятелю, наконец, путешественнику, явно было что сказать невозддержанной молодежи об отношениях России и Европы.

² В выяснении этого соотношения и определялись новые направления русской мысли, так что Вяземский тут не был изобретателем.

При соположении стихотворений разных лет, написанных в разных обстоятельствах и под разными «впечатлениями минуты», вырисовывается еще одна черта поэта, сравнившего себя с термометром. Это способность, по выражению Е. А. Тоддеса, если не к противоположным, то к, по меньшей мере, разным решениям одной идеологической темы³ [Тоддес: 123]. Исследователь усматривает в этом не «измену писателя себе», а принципиальную черту мировоззрения, основанного на диалектике двух культурных начал. Как нам представляется, подобные разноречия можно обнаружить и в поэтическом решении «русской темы» в сборнике ВДД. Ее развитие в непосредственной и тесной связи с «европейской» темой делает необходимым прояснение отношения других стран к России в сборнике стихов Вяземского.

«Зарубежные» части первого отдела («Восток», «Германия», «Швейцария», «Италия», «Франция и Англия») основываются на сюжете «присвоения чужого» Россией или русскими. В разделе «Восток» большая часть стихотворений (6 из 11)

³ В упомянутой выше статье Е. А. Тоддес проанализировал эту черту личности нашего героя. Действительно, у Вяземского можно найти самые разноречивые суждения (либеральные и резко консервативные, западнические и славянофильские, причем зачастую синхронно, а то и в одном тексте). «При этом, — пишет Тоддес, — самостоятельное развитие национальной темы не характерно для текстов Вяземского, но посредством двух корреспондирующих противоположностей может выражаться реакция на какой-либо “вненациональный” политический или идеологический “раздражитель”, не обуславливающий сам по себе рефлексии именно такого рода. Можно было бы сказать, что основное противопоставление выступает не в конститутивной, а в прагматической функции» [Тоддес: 125]. Иными словами, Вяземский был западником или славянофилом в зависимости от обстоятельств. Однако определял степень этой зависимости он сам, а не официальная власть. Так, в конце 20-х гг. русофильство Вяземского, как отмечает Е. А. Тоддес, имело отчетливо оппозиционную антибюрократическую направленность [Там же: 126] — и это означает принципиальное отличие его позиции от официозной.

посвящена не палестинской или турецкой экзотике, а русским, которых поэт встретил в своем путешествии и которые для него каким-либо образом «превратили» чужбину в Россию (кн. В. А. Голицыной посвящены «17 сентября 1849», «В поход!», «Молитва» и «17 сентября 1850», В. П. Павлову — «15 июля 1849» и «15 июля 1850»). Это может быть устройство «русского» дома, радушный «русский» прием или сила женских чар:

Победоносная Княгиня!
 Стамбула, Перы — мало вам;
 Вам нужны горы и пустыни,
 Вам нужно все прибрать к рукам.
 <...>
 Вам только показаться стоит
 И враг не побежит назад;
 Нет, Турков всех себе присвоит
 Один ваш огнестрельный взгляд [ВДД: 86];
 В дому твоём для нас Россия.
 Здесь все, чем нам она мила:
 Креста предания святые
 И слава Русского орла,
 И языка родного звуки,
 Чтоб сердцу сердца весть подать,
 И Русские сердца и руки,
 Чтоб брата с нежностью обнять [Там же: 92]⁴.

Так или иначе, Восток сдается перед русским наступлением.

В «европейских» частях сюжет присвоения или «завоевания» Европы Россией и русскими также превалирует. Он реализуется в двух вариантах: герой встречает в Европе Россию, в лице русских, освоивших чужое пространство и превратив-

⁴ Здесь следует сделать важную оговорку: так как текстология сборника ВДД разработана пока недостаточно, мы не будем сейчас останавливаться на проблемах дефинитивного текста цитируемых стихотворений — хотя в будущем, разумеется, этому нужно будет уделить достаточное внимание. В дальнейшем стихотворения будут цитироваться по сборнику ВДД без специальных замечаний.

ших его в «свое», русское (так же, как в «Востоке»), или герой сам осваивает Европу, видя или прозревая в европейском русском:

Средь избранных деревьев — береза
 Не поэтически глядит;
 Но в ней — душе родная проза
 Живым наречьем говорит.

<...>

Из нас кто мог бы хладнокровно
 Завидеть Русское клеймо?
 Нам здесь и ты, береза, словно
 От милой матери письмо
 («Береза», 1855? [ВДД: 164–165]);

Тобой, красивая рябина,
 Тобой, наш русский виноград⁵,

⁵ Определение рябины как русского эквивалента более экзотических лакомств у Вяземского появилось раньше. Тогда оно было дано в пародийном и ироническом контексте «хвостовианы»: в басне «Обжорство» рябина названа «российским черносливом» [Вяземский 1986: 90]. Миграция формулы из пародийного ряда в лирический в творчестве одного автора — явление довольно необычное. Уподобления с подобной конструкцией были весьма распространены, Вяземский мог использовать ее, но более вероятно цитирование сумароковской эпистолы о стихотворстве (1747):

Тот, кто не гуливал плодов приятных садом,
 За вишни клюкву ест, рябину виноградом
 И, вкус имея груб, бездельные труды
 Пред обществом кладет за сладкие плоды

[Сумароков: 116].

За любезное указание на этот подтекст я благодарю А. С. Немзера.

Вообще проблема интертекстов в поэзии Вяземского требует отдельного рассмотрения. Некоторые, особенно поздние, стихотворения приближаются к центону по уровню насыщенности «чужим словом». Чтобы обозначить масштаб этой цитатности, укажем на стихотворение «Как в орешке перламута [sic!]...», второе в цикле «Баркаролы» [ВДД: 188], которое являет собой сюжетную, образную и ритмическую вариацию пушкинского «Го-

Меня потешила чужбина,
И я землячке милой рад
(«Рябина», 2 ноября 1854 [ВДД: 165]).

В сборнике есть ряд стихотворений, посвященных «местам памяти» (которые связаны с жизнью или смертью близких Вяземского), и эти места тоже становятся «своими», «русскими» (см., напр., «Зонненштейн», «Баден-Баден», «Баденские воспоминания», «К Риму», «Эперне»).

Орудиями русской экспансии в Европу становятся не только люди, но и неодушевленные (одушевляемые поэтом) предметы — деревья, символизирующие «русскость»: береза и рябина; даже самовар. Климатические эксцессы в Европе Вяземский также трактует как моменты «русификации» чужого пространства. Так, например, Германия не умеет «принять» зиму так, как это делается в России («Масляница на чужой стороне»):

Нет, красавица, не место
Здесь тебе, не обиход:
Снег здесь — рыхленькое тесто,
Вял мороз и вял народ.
Чем почтят тебя, сударку?
Разве кружкою пивной
Да копеечной сигаркой,
Да копченой колбасой.
С пива только кровь густеет,
Ум раскиснет и лицо;
То ли дело, как прогреет
Наше рьяное винцо? [Там же: 109–110].

Такой сюжетный вариант «завоевания Европы» явно занимал Вяземского⁶, он встречается и в других стихотворениях, не

род пышный, город бедный...». Однако только перечисление цитат в сборнике ВДД потребовало бы столько места, что пока приходится оставить поиски подтекстов в стороне. Один из аспектов проблемы (заимствования Вяземского из стихов Жуковского) мы затронули в пока не опубликованной статье.

⁶ Можно, кажется, предположить в этом сюжете отражение национальной мифологии 1812 года.

включенных в сборник. Охваченная заморозками Венеция становится почти совершенно «русским городом», ср. «Марии Максимилиановне, принцессе Баденской»:

Вас, с холодной полночи красавица младая,
По-русски встретила Венеция и мы:
И теплые сердца, и стужа нам родная,
И снег родной, фата прабабушки зимы [Вяземский: XII, 44];

и тогда же из замерзшей Венеции адресованное Ф. И. Тютчеву:

Вот и крещенские морозы!
Точь-в-точь на невском берегу:
Метет метелица по Пьяце,
Как на Царицыном лугу [Там же: 41].

Если же поэт отмечает неподатливость Европы русскому влиянию или забвение «русской славы», это становится поводом для сатиры или стихотворной филиппики (см. «Фрейберг», «Масляница на чужой стороне», «Горные вершины», «Немецкая природа»).

Предпоследнее стихотворение раздела «В дороге», «Осьмое января 1853», особенно показательно в смысле поэтического решения «европейской темы» в ВДД. Оно находится в подразделе «Франция и Англия» (состоящем, что примечательно, только из трех стихотворений): основная часть текста обращена к Д. Н. Блудову и посвящена воспоминаниям о петербургском праздновании годовщины «Арзамаса», а в финале герой предается лирической резиньяции и в резких красках описывает революционные события 2 декабря 1851 г. в Париже⁷, противопоставляя «свирепство черни злобной» и «кровавую бредню» «великого народа, который сам себя великим возгласил» — своим «милым поминкам по веселой старине»,

⁷ Сюжетный переход осуществлен при помощи нехитрого риторического приема:

Я выхлебал до дна латинской кухни кашу,
До дна я осушил страданий горьких чашу,
И вместо сцен родных *осьмого января*,
В Париже я застал *второе декабря* [ВДД: 210].

когда Вяземский и его друзья, «другой эпохи старожилы», «скрепляли двух эпох разорванную связь». В этом стихотворении Франция присутствует лишь как фон для воспоминаний — причем фон негативный. Так же в сюжетном отношении построено стихотворение «Эперне»: посещение города и его шампанских погребов становится лишь поводом для воспоминания о друге, Д. В. Давыдове (стихотворение превращается в эпитафию во второй своей части, которая была написана после получения Вяземским известия из России о смерти Давыдова).

Итак, в стихах первой, «дорожной» части сборника ВДД Европа предстает на сюжетном уровне как объект русского «завоевания» или «освоения» и описывается через сравнение с Россией на уровне мотивов и метафор. В оппозиции «Россия — Европа» позитивно оценивается первая часть, а вторая раскрывается через нее, через сравнение с ней. Несходство Европы с Россией становится объектом порицания, в европейских же красотах поэт обнаруживает русские черты. Лирический герой-путешественник, таким образом, выступает здесь с позиции «руссофила».

Перейдем теперь к русской теме, к представлению русского пространства в ВДД. «Русские» стихи представлены в обоих разделах сборника — «В дороге» и «Дома», что задает двойственность объекта. В первый попадают тексты, представляющие Россию с точки зрения «внешней» — точнее, с точки зрения лирического героя-путешественника, смещенной разрывом с привычной обстановкой (см. в «Коляске»: «Хоть телу мало в ней простора, но духом на просторе я» [ВДД: 4]). Во втором разделе собраны стихотворения, написанные «дома».

Дорога для героя — освобождение от «ярма привычек», способ «обновиться существом» и броситься в «новые стихи». Он покидает «великолепный желтый дом» столицы, чтобы «войти в самого себя»:

Несется легкая коляска,
И с ней легко несется ум
<...>

Так! Отъезжать люблю порою,
 Чтоб в самого себя войти,
 И говорю другим: прости! —
 Чтоб поздороваться с собою.
 (Не понимаю, как иной
 Живет и мыслит в то же время,
 То есть, живет, как наше племя
 Живет, — под вихрем и грозой.
 Мне так невмочь двойное бремя:
 Когда живу, то уж живу,
 Так что и мысли не промыслить;
 Когда же вздумается мыслить,
 То умираю наяву.
 Теперь я мертв, и слава богу!) [ВДД: 5–7].

Русское пространство видится герою пространством свободы:

И недоступные обзору
 Из глаз бегущие края,
 И вольный мир воздушной степи,
 Свободный путь свободных птиц,
 Которым чужды наши цепи;
 Рекой, без русла, без границ,
 Как волны льющисся тучи;
 Здесь лес обширный и дремучий,
 Там море жатвы золотой —
 Все тешит глаз разнообразно
 Картиной стройной и живой,
 И мысль свободно и развязно,
 Сама, как птица на лету,
 Парит, кружится и ныряет
 И мимолетом обнимает
 И даль, и глубь, и высоту.
 И все, что на душе под спудом
 Дремало в непробудном сне,
 На свежем воздухе, как чудом,
 Все быстро ожило во мне [ВДД: 4].

«Добровольная ссылка» в коляске для героя Вяземского — освобождение от служебной ляжки, притворства, жизни «в чужих красках», «светской барщины» и т.п. Они остаются принадлежностью «домашней» России. Склонность поэта к «раз-

норечиям», к вечной подвижности оценок, заметна и здесь. Путешествие оказывается для лирического героя и «заточением» в подвижной тюрьме, и освобождением от «заточения» в повседневной рутине.

Начало сборника ВДД («Коляска. Вместо предисловия»), по нашему мнению, довольно явственно проецируется на «Паломничество Чайльд-Гарольда» и эпизоды «Путешествия Онегина»⁸, что задает образ лирического героя и сюжет путешествия. Однако ироническая (по отношению к покидаемому «дому») интонация, заданная во вступлении, в разделе «Россия» быстро сменяется лирической и даже патетической:

Пусто все, однообразно,
Словно замер жизни дух;
Мысль и чувство дремлют праздно,
Голодают взор и слух.

Грустно! Но ты грусти этой
Не порочь и не злословь:
От нее в душе согретой
Свято теплится любовь.

Степи голые, немые,
Все же вам и песнь, и честь!
Все вы — матушка Россия,
Какова она ни есть! [Там же: 65].

Вяземский (вполне традиционно) противопоставляет «дом»–Петербург всей остальной России. Действительно, «душный» «желтый дом»⁹ — это столица. Пока герой находится внутри

⁸ Параллель ясная: лирический герой, обуреваемый жадой освобождения, покидает родину, которая представляется ему в самом мрачном виде и изображается сатирически; образ ее создается через нагромождение разнообразных характерных деталей, описание насыщено субъективностью, в то же время лирический герой постоянно отвлекается от сатиры на рефлексии и авторефлексию.

⁹ Каламбурная игра с многозначностью формулы «желтый дом» здесь налицо. Стихотворение, конечно, было написано в 20-е гг., когда до «России в 1839 году» Кюстина было еще далеко, и представления о Петербурге как столице «империи фасадов» желтого

России, для него она делится на «дорожную» — свободную, прекрасную, и «домашнюю» — изображаемую сатирически и иронически. Когда герой попадает за границу, русское пространство, обозреваемое «из далека», перестает быть дифференцированным («снаружи» Россия прекрасна, и *canale Grande* сравнивается с Невским проспектом, что, по Вяземскому, является возвышающим сравнением).

Но взгляд изнутри обнажает сложность русского пространства, причем проявляется эта сложность в виде свойственных поэту «разноречий». Выше была процитирована «Коляска», где герой превозносит путешествие, но в стихотворении «Дорогою» (не вошедшем в сборник) мы видим противоположную трактовку той же дорожной темы:

Я на себя сержусь и о себе горюю.
 Попутал грех меня оставить сень родную,
 Родных привычек нить прервать, пуститься в путь,
 Чтоб темно где-нибудь искать чего-нибудь.
 Счастливый уголок моей уютной дачи,
 Досуг — я променял на почтовые клячи,
 На душную тюрьму, на маль-пост: то-то пост
 И пытка! [Вяземский: XI, 297].

Ср. также стихотворение «Кибитка» в «Зимних карикатурах»:

А подвижной сей каземат,
 А подвижная эта пытка,
 Которую зовут: кибитка,
 А изобрел нам зимний ад [ВДД: 39].

В том же тексте — совершенно иное отношение героя к русскому морозу (который был так любезен Вяземскому в Венеции):

цвета еще были (вероятно) принадлежностью устной культурной традиции, а не авторитетного текста. Но примечательно, что яро- стный оппонент французского путешественника вставил стихо- творение с этими строками (теперь ассоциативно связанными и с Кюстиновым сочинением) в свой сборник 1862 г. — когда уже никто не думал заподозрить его в оппозиционности.

Нет, воля ваша, господа!
 Когда мороз дерет по коже,
 Мне теплая постель дороже,
 Чем ваша прыткая езда [Там же: 38].

Наряду с такими поворотами «русского пространства» в разных текстах, у Вяземского оно может наделяться взаимно исключающими, парадоксальными характеристиками («безобразно, но прекрасно») в пределах одного текста. На таком приеме построен сюжет стихотворения «Очерки Москвы»:

Твердят: ты с Азией Европа,
 Славянский и татарский Рим,
 И то, что было до потопа,
 В тебе еще и ныне зрим
 <...>
 Величье есть в твоём упадке,
 В рубцах твоих истертых лат!
 Есть прелесть в этом беспорядке
 Твоих разбросанных палат [Там же: 49];

или в стихотворении «Памяти живописца Орловского»:

Север бледный, Север плоский,
 Степь, родные облака —
 Все сливалось в отголоски,
 Где слышна была тоска,
 Но тоска — струя живая
 Из родного тайника,
 Полюбовная, святая,
 Молодецкая тоска [Там же: 79].

В последнем стихотворении встречаем парадоксальную характеристику русских дорог как радикального средства пробуждения патриотически-ностальгических чувств в путешественнике: «Не увидишь, как проскачешь / И не чувствуешь скачков, / Ни как сердцем сладко плачешь, Ни как горько для боков» [ВДД: 79].

Российские недостатки есть одновременно и достоинства, а безобразие русской физиогномии Вяземский описывает как

самобытность и оригинальность, противопоставленные европейской нивелировке¹⁰:

Здесь личность есть и самобытность,
Кто я, так я, не каждый *мы*
<...>
Нет обстановки хладно-вялой,
Упряжки общей, общих форм [Там же: 50].

В России Вяземского обнаруживаются, с другой стороны, и черты европейского — на уровне приобщения к высокой культуре. Русские писатели — такие же «подвижники высокого служенья / Во имя грамоты, добра и просвещенья», что и европейские, они входят в один «союз любви международной» (стих. «Берлин. Барону Мальтицу» [Там же: 101–106]). Сама Россия, хотя и обладает некоторым сходством с Европой (см. то же описание Москвы: Москва — наследница Рима и Царьграда, похожа на Париж и Манчестер, «с Азией Европа»), сохраняет свое лицо, и в этом ее преимущество. Память о прошлом («в тебе и древний мир, и новый»), по Вяземскому, единственный способ сохранения культурного пространства.

Так выглядит «русское пространство» с точки зрения героя «в дороге». Россия «домашняя», изнутри — показана во втором разделе сборника, и там она выглядит иначе.

Первая часть раздела, «Разные стихотворения», действительно в жанровом отношении трудно определима. Это преимущественно рефлексивная и медитативная лирика вне жанровых определений: «Былое», «Бессонница», «Друзьям», «Остафьево», «Вечер», «Лес горит», «Тропинка». В начале отдела помещены четыре стихотворения, образующие тематическое

¹⁰ Даже прямо сатирические стихотворения вроде «Зимних карикатур» нельзя, кажется, расценивать как «западнические». Во-первых, карикатура предполагает гиперболизацию характерных черт; во-вторых, в том же разделе мы видим противоположное решение темы русских зимних дорог; в-третьих, следует указать на намерение Вяземского «многое исправить» в этом стихотворении и внести его в сборник лишь после исправлений (намерение не было реализовано).

единство: «Любить. Молиться. Петь», «Молитва ангелу-хранителю», «Молитва» и «На церковное строение». Кроме того, в нем помещены стихотворения «на случай» — приветствия в стихах или песни-поздравления (Блудову, Крылову, Жуковскому, Иванову).

«Дом», «домашнее» русское пространство, связанное в первом разделе сборника с Петербургом, здесь определяется совершенно по-другому. Дом лирического героя — не столица, а имение, не Петербург, а Остафьево. Но действительно домашним пространством становится пространство не реальное, а метафорическое — пространство памяти. Поэтический сюжет интериоризируется:

В себя ли опушу я взор свой безотрадный —
 Все те ж развалины, все тот же пепел хладный
 Печально нахожу в сердечной глубине;
 И там живым плодом жизнь не сказалась мне
 («Сознание» [ВДД: 232]);

Житейских битв волнение и тревога
 Меня смущают: духом я пуглив —
 И вчуже мне, с домашнего порога,
 Далеких гроз ужасен дикий взрыв
 («Уныние» [Там же: 228]);

Всегда искал я целей новых
 И не достиг ни до одной;
 Ценою опытов суровых
 Я дослужился на покой
 («Желание» [Там же: 270]).

И строится сюжет уже не на пространственных оппозициях, а на временных. Постоянная тема «Разных стихотворений» — течение времени, утрата всего дорогого:

Когда припомню я и жизнь, и все былое,
 Рисуется мне жизнь как поле боевое,
 Обложенное все рядами мертвых тел,
 Средь коих я один как чудом уцелел
 («Битва жизни» [ВДД: 224]);

Я пережил и многое, и многих,
 И многому изведаль цену я;
 Теперь один влачусь в пределах строгих
 Известного размера бытия.
 Мой горизонт и сумрачен, и близок,
 И с каждым днем все ближе и темней;
 Усталых дум моих полет стал низок,
 И мир души безлюдней и бедней

(«Я пережил...» [Там же: 226]).

Как в дорожном разделе, здесь появляются стихи, посвященные друзьям. Но примечательно, что они чаще оказываются посмертным приношением: «Песнь на юбилей И. А. Крылова», «Песнь на день рождения В. А. Жуковского», «Приветствие В. А. Жуковскому», пара стихотворений «А. А. Иванову» и «На смерть А. А. Иванова» — т.е. становятся уже не приношением дружбы, а отсылкой к событию прошлого, апелляцией к памяти. Вяземский таким образом воскрешает забвенное, «скрепляет эпох разорванную связь». Все это, опять же, переводит основную поэтическую коллизию в область не пространства, а времени.

Однако связь оппозиций «Россия — Европа» и «прошлое — настоящее» может быть прослежена. Как мы отметили, превосходство России, согласно Вяземскому, обусловлено ее укорененностью в прошлом, в истории. Именно прошлое для поэта и есть настоящий «дом», т.е. по-настоящему свое пространство.

По сути в двух разделах ВДД — два «дома» для героя. Бежав из «великолепного желтого дома», герой сначала открывает Россию дорожную (парадоксально-прекрасную), за границей убеждается в превосходстве России, а по возвращении прозревает свой настоящий «дом» — *locus amoenus*, пропитанный воспоминаниями о прошлом, блаженном былом, а не поглощенный скарредным настоящим.

Последнему посвящен последний подраздел сборника — «Заметки». Они, из замысла издания которых вырос весь сборник, оказались в итоге финальной частью книги (после этих довольно злобных эпиграмм, впрочем, автор поместил стихо-

творение «Слово примирения»). Эпиграммы, адресованные, например, «наследникам Белинского», любителям односторонней гласности, журналистам, как бы возвращают читателя вместе с героем в «великолепный желтый дом» Петербурга, который теперь противопоставлен «своему» пространству Остафьева.

Но Петербург второго раздела, как Москва в разделе «дорожном», двоятся: неназванный Петербург в «Заметках» — современное зло, в подразделе же «Разных стихотворений» мы находим стих. «Петербургская ночь» («Дышет счастьем, сладострастьем упоительная ночь...»), в котором городской пейзаж решен в «венецианском ключе»:

Дышет счастьем,
Сладострастьем
Упоительная ночь!
Ночь немая,
Голубая,
Неба северного дочь!
Блещут свежестью сапфирной
Небо, воздух и Нева,
И, купаясь в влаге мирной,
Зеленеют острова.
Весел мерные удары
Раздаются на реке
И созвучьями гитары
Замирают вдалеке¹¹ [ВДД: 274].

Так, как в дорожном разделе Венеция «превращалась» в Петербург, теперь Петербург видится сквозь Венецию (потому что она стала местом памяти). Так же происходит и с немецкой природой (см. два примера — «К ***» и «Немецкая при-

¹¹ Стихотворение посвящено, очевидно, певице Judith Pasta (1798–1865), в 1840 г. посетившей с гастролью Петербург. Интересна высокая оценка ее пения в этом стихотворении Вяземского, который был опытным ценителем оперного искусства — при том, что, по замечаниям современников, лучшие годы певческой карьеры Пасты миновали уже к 1830-м гг.

рода») — она теперь дорога поэту, потому что именно там ему светила «знакомая звезда». Ирония первого стихотворения сборника на ту же тему снимается — благодаря введению темы личной памяти:

Я немецкую природу, Добрых немцев быт люблю, Их сердечность, их природу, Даже страсть их к <i>бумпер-</i> <i>броду</i>	Любуясь жизнью и счастлива, Как добрый немец без забот, Она себе, за кружкой пива, <i>Du lieber Augustin</i> поет.
Постигаю и делю. <...> Но увы, меня не встретит Там знакомая звезда, Мне приветно не посветит, Сердце сердцу не ответит. Как в счастливое <i>тогда</i> («К ***» [ВДД: 279]).	Легко здесь жить с природой дружно; Но вот в чем трудность и напасть: Переродиться в немца нужно, Чтоб на немецкий лад попасть («Немецкая природа» [ВДД: 144]).

Подведем некоторые итоги.

Для Вяземского, как нам представляется, есть два статуса любого объекта (человека, нации, страны, культуры, даже вещи) — с историей и без нее. Безусловно позитивный — первый; если объект лишен истории (прошлого, памяти), его право на существование подвергается сомнению либо отрицается. Поэтому в сборнике ВДД есть два «дома» (Петербург, наполненный современностью, злом, поглощенный политикой, в нем нет места индивидуальности и памяти о прошлом; Остафьево и прочие «места памяти» — блаженные) и две Европы (современная политизированная, забывающая свою историю и «русскую славу» — и за то проклинаемая поэтом: «*belle France* — Тамбовская губерния» (цит. по: [Лит. наследство: 120]); и другая Европа — ассоциирующаяся с высокой культурой, к которой причастны и русские, она только и имеет право на существование¹²).

¹² Ср. в письме: «Англия — рай человеческий, рай рукотворный, умотворный, как Италия — рай небесный. Только эти две страны

Эта абсолютизация прошлого/памяти/истории снимает реальное пространственное наполнение оппозиции «Россия — Европа» в сборнике, придает ей метафорический характер и ставит ее содержание в зависимость от других оппозиций («прошлое — настоящее/современность», «история — отсутствие корней»). Обращение оценки «русского пространства» (идеализация при взгляде извне и сатира — при взгляде изнутри), возможно, делает сборник ВДД первым опытом русской «эмигрантской поэзии» — при том, что Вяземский никогда не был действительно эмигрантом.

ЛИТЕРАТУРА

- ВДД: *Вяземский П. А.* В дороге и дома. М., 1862.
Вяземский: *Вяземский П. А.* Полн. собр. соч.: В 12 т. СПб., 1879–1898.
Записные книжки: *Вяземский П. А.* Записные книжки. Л., 1968.
Кумпан: *Кумпан К. А.* История издания поэтического сборника Вяземского «В дороге и дома» // Русская литература. 1990. № 1.
Лит. наследство: *Дурылин С., Нечаева В. П. А.* Вяземский и Франция // Литературное наследство. Т. 31/32. М., 1963.
Степанищева: *Степанищева Т.* Оппозиция «Россия — Европа» у позднего Вяземского // *Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia*. XI [в печати].
Сумароков: *Сумароков А. П.* Избранные произведения. Л., 1957.
Тоддес: *Тоддес Е. А.* О мировоззрении П. А. Вяземского после 1825 года // Пушкинский сборник. Рига, 1974. Вып. 2.

и стоят чего-нибудь, а все прочее хоть потопом залей» (цит. по: [Лит. наследство: 119]).